

ницей лагеря смерти, Северина Шмаглевская описала все ужасы гитлеровского ада, надругательства над человеком. После войны писательница выступала в качестве свидетельницы против военных преступников на Нюрнбергском процессе.

Весь свой страшный опыт времен заключения писательница воплотила в книгах «Хлеб и надежда», «Пустое место за столом», «Крик ветра», «Невинные в Нюрнберге». В них она не только изобличает фашизм, но и показывает, как человек в условиях послевоенной Польши находит в себе силы строить будущее.

Новая книга С. Шмаглевской «Волчья ягода» посвящена современности. Героиня книги отдыхает на Мазурских озерах среди прекрасной природы, но в памяти ее возникают мысли о страшном прошлом. Можно ли их предать забвению? — спрашивает писательница и отвечает: нет, все, что несет с собой война, забыть невозможно.

«Волчья ягода», — пишет Януш Термер, — отличается удивительной лаконичностью повествования, которая несет в себе огромный эмоциональный заряд и устрашающую правду фактов, поданных без каких-либо комментариев. Это, без сомнения, одна из лучших книг Северины Шмаглевской.

США

ПРОТИВ ПРОПАГАНДЫ НАСИЛИЯ

«Национальная ассоциация родителей и учителей» (НАРУ) — одна из крупнейших в стране общественных организаций — развернула в этом году широкую кампанию протеста против пропаганды насилия в телевидении США. Объявляя о начале кампании, президент НАРУ Кейрол Киммел, по сообщению газеты «Деيلي уорлд», заявил: «Мы убеждены, что между пропагандой насилия, которая ведет-

ся по телевидению, и агрессивным поведением детей имеется определенная связь».

По инициативе НАРУ в различных городах страны проводятся совместные собрания родителей и учителей. На собрании в Чикаго многие ораторы с возмущением протестовали против передачи по местному телевидению кинофильма «Суматоха», главный «герой» которого — главарь банды убийц Менсон. Демонстрация этого фильма, по словам председателя ассоциации школьных советов штата Мичиган Джона Доджа, привела к тому, что в ряде школ штата были отмечены случаи погромов и поджогов зданий.

ПИСЬМА УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА

Фолкнер был скуп на интервью, избегал публичных выступлений, а друзьям не раз говорил, что ему не хотелось бы, чтобы его письма когда-нибудь увидели свет. Тем не менее дочь писателя Джилл дала согласие на издание его «Избранных писем», считая, что интерес для широкого читателя представляет все, что связано с жизнью и творчеством выдающегося художника. Книга, вышедшая под редакцией биографа Фолкнера Дж. Блотнера, сразу же привлекла особое внимание американских критиков.

В книгу включены письма за сорок лет — от первых шагов Фолкнера в литературе (начало 20-х гг.) до конца его жизни. Большой частью это деловая переписка с редакторами, издателями и литературными агентами. Фолкнер, уже завоевавший широкую известность в Европе, не пользовался признанием у себя на родине вплоть до появления тома «Избранное», подготовленного и изданного в 1946 году критиком Малькольмом Каули, письма к которому представляют наибольший интерес, поскольку Фолкнер делится здесь многими секретами своего творчества (эти письма уже публиковались в 1966 году в сборнике «Дело Каули —

Фолкнера»). В 20-е и 30-е годы, когда были написаны «Шум и ярость» («ИЛ» за 1973 г., № 1, 2), «Свет в августе», «Деревушка» и другие прославленные произведения, Фолкнер был вынужден много работать лишь ради заработка, добиваясь опубликования своих новелл в многотиражных и хорошо плативших журналах, доказывать их редакторам, как и хозяевам Голливуда, где он работал с 1935 года, что он — профессиональный литератор достаточно высокого класса.

В письмах он нередко жалуется на то, что у него нет времени осуществить свои серьезные замыслы и что борьба за существование, которую он вынужден вести, подрывает его творческие силы. «Кто это сказал, что для художника только хорошо, что он живет в тисках нищеты, не зная, как расплатиться с булочником и мясником и как отсрочить очередной взнос по страховке? — пишет он в 1935 году одному из знакомых. — Уж непременно какой-нибудь безмозглый идиот».

Лишь к старости у Фолкнера появилась уверенность, что его след в литературе не затеряется. В 1953 году он писал одной начинающей романистке: «Я теперь впервые ощутил, какой огромный дар был в меня вложен. Ведь, строго говоря, я не получил никакого образования, я не так уж часто общался просто с грамотными людьми, а о писателях и не говорю, и все-таки как много мне удалось сделать. Не знаю, откуда у меня взялись силы. Не знаю, почему именно меня избрали своим орудием боги или кто там еще... Меня все это просто изумляет».

Рецензируя книгу в журнале «Нью-Йорк таймс бук ревью», известная писательница Юдора Уэлти отмечает: «Письма Фолкнера — не письма о литературе, но они имеют, как правило, самое прямое отношение к ремеслу писателя. Эти письма человека, живущего в гуще такого ему привычного общества... и страстно стремящегося, рассчитывая только

на себя самого, делать то, что он и призван был делать, и при этом своим трудом кормить семью». Личность Фолкнера и его писательское своеобразие раскрываются на страницах тома, по мнению Узати, с необыкновенной яркостью, и в этом немалое значение — и оправдание — инициативы Джилл Фолкнер и Дж. Блотнера, издавших письма вопреки воле человека, их писавшего.

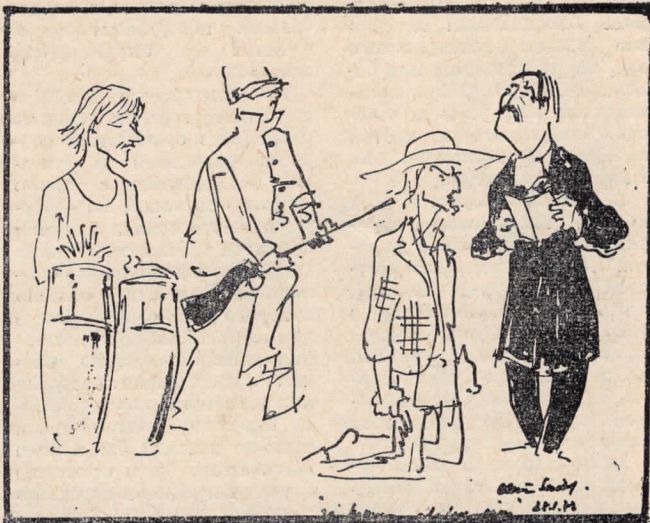
ШВЕЦИЯ

«МЫ БУДЕМ ЖИТЬ!»

Так называется спектакль, поставленный в Швеции группой актеров гётеборгского Национального театра и музыкальным коллективом «Напевы». Спектакль представляет собой злую и веселую сатиру на Соединенные Штаты Америки, история которых есть история насилия и подавления прав и свобод как отдельных граждан, так и целых национальных групп, в частности индейцев, о судьбе которых рассказывается в этом представлении. Название спектакля «Мы будем жить!», выражающее надежды притесняемых и обреченных на вымирание индейцев США, как бы символизирует несомненную волю всех угнетенных людей самой Америки — жертв расовых и иных преследований прежде и теперь, а также тех, кто живет за пределами США и кого американский империализм пытается ныне подчинить себе с помощью военной силы, политических, экономических и идеологических средств давления.

Недавно спектакль «Мы будем жить!» был показан в Копенгагене. Как отмечала газета датских коммунистов «Ланд ог фольк», он дал датчанам богатую пищу для размышлений на тему о зависимом положении их собственной страны.

Спектакль начинается со следующей сцены: ярко разодетый американский ковбой не без издевки в голо-

На снимке: рисунок художника Клауса Сейделя, сделанный для газеты «Ланд ог фольк», на котором воспроизведена сцена из спектакля «Мы будем жить!», изображающая обращение индейцев в христианскую веру.

(Газета «Ланд ог фольк»)

се обращается к публике: «Приветствую вас, датских американцев!. Вы что? Думаете, что вы датчане?» И ковбой тут же доказывает публике, насколько слепо датчане во всем следуют за США, копируя хотя бы худшие образцы американской культуры и насаждая их у себя дома.

Символична заключительная сцена спектакля: в осажденном лагере индейцев «Вундед Ни» в момент, когда вокруг неистовствует полиция, когда индейцы проводят свое бурное собрание, рождается ребенок, как бы олицетворяющий право индейцев на жизнь, на будущее, на сохранение национальных культурных традиций.

ЯПОНИЯ

ПРЕМИЯ АКУТАГАВА

Одна из крупнейших литературных премий Японии — премия Акутагава присуждалась в минувшем году в семьдесят пятый раз. На соискание ее было выд-

винуто семь произведений, среди них «Зимнее небо» Куниэда Ивахаси, «Брошенная лодка» Томоя Торакубо, «Плоды лозы» Ицуко Умэбара.

Как сообщает журнал «Бунгэй сюндзю», семь произведений были отобраны членами Комитета по присуждению премии Акутагава — в числе их известные писатели Ясуси Иноуэ и Дзюнноскэ Ёсиюки, литературный критик Мицуо Накамура — из более чем трех тысяч, вышедших за шесть месяцев (премия Акутагава присуждается дважды в год).

На этот раз лауреатом стал 35-летний Рю Мураками, студент четвертого курса института искусств «Мусасино». Его повесть «Бескрайняя, почти прозрачная голубизна» (она получила также премию журнала «Гундзо»), рисующая будни компании молодых людей, привыкших к употреблению наркотиков, — страшное свидетельство эпидемии наркомании, «белой смерти», которая приобретает в настоящее время в Японии масштаб социальной проблемы.